

И.А. Воронин

РУССКИЕ «СМУТЫ» И УКРАИНСКИЕ «РУИНЫ»: СЦЕНАРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
В 75

Воронин И.А.

В 75 Русские «смуты» и украинские «руины»: сценарии национальных катастроф / Под ред. В.Е. Воронина, В.А. Волкова, В.В. Горского, К.Р. Конюхова, А.А. Молчановой. — М.: Прометей, 2020. — 706 с.

ISBN 978-5-907244-87-0

Книга известного историка, педагога и общественного деятеля, кандидата исторических наук Ивана Александровича Воронина посвящена сравнительному анализу истории гражданских войн и других крупных внутренних конфликтов в России и на Украине с начала XVII в. по настоящее время — русских «смут» и украинских «руин». Исследователем выявлены специфические закономерности возникновения и протекания «смутных времен» в России и на Украине; показаны ставшие типичными пути преодоления «смут» и «руин», способы восстановления гражданского мира.

Книга адресована широкому кругу российских и украинских читателей, интересующихся отечественной историей.

ISBN 978-5-907244-87-0 © Воронин И.А., 2020
© Издательство «Прометей», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1.	
Первая русская «смута» (1605–1618 гг.).....	21
Глава 2.	
Первая малороссийская «руина» (1657–1708 гг.).....	76
Выводы к главам 1 и 2	154
Глава 3.	
Вторая русская «смута»: Февральская буржуазная и Октябрьская социалистическая революции, Гражданская война в России (1917–1922 гг.)	158
1917 год.....	162
1918 год.....	201
1919 год.....	234
1920 год.....	266
1921 год.....	274
1922 год.....	279
Глава 4.	
Вторая малороссийская «руина» (1917–1921 гг.)	284
1917 год.....	286
1918 год.....	296
1919 год.....	324

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Зеленое» движение на Украине	341
1919 год (продолжение).....	355
1920 год.....	361
1921 год.....	378
Выводы к главам 3 и 4	384
Глава 5.	
Третья русская «смута». Перестройка в СССР и постперестройка в России (1987–2012 гг.)	396
Глава 6.	
Третья украинская «руина» (с 2014 г.).....	516
Выводы к главам 5 и 6	662
Заключение	667
Послесловие	682
Список использованных источников и литературы.....	684
Аббревиатуры и сокращения.....	696
Об авторе	705

ВВЕДЕНИЕ

Sine ira et studio

(лат.: Без гнева и пристрастия)

Публий Корнелий Тацит

Кданной работе меня заставили обратиться события, происходящие в настоящее время на Украине. Современные украинские реалии, гражданская война и все более ускоряющийся развал государственных структур этой страны, потоки крови, льющейся на фронтах, настоятельно подталкивают к осмыслению происходящих там событий. Ситуация, сложившаяся в настоящее время на Украине, не является для нее чем-то «уникальным». Нечто похожее в ее истории уже было. Нечто похожее, и не один раз, было уже и в истории России. У нас подобные ситуации всегда называли «смутами», на Украине — «руинами». При этом и те, и другие события, сохраняя свой специфический «местный колорит», всегда обладали значительным количеством особенностей, делающих их схожими друг с другом, что, с моей точки зрения, обуславливает необходимость их сравнения и, соответственно, сравнительного анализа, естественно, с учетом специфических особенностей России и Украины. Поскольку Россия и Украина являются «близко родственными» странами и народы, живущие в них, практически едины, сравнительный анализ «смут» и «руин» приобретает особую актуальность и значимость. Что бы ни орали украинские националисты про то, что «никогда мы не будем братьями...»,

родственные связи народов это не отменяет. Думаю, у половины, если не у большинства жителей России есть родственники на Украине, точно так же, как и у большинства украинцев есть родные в России. Поэтому понимание сущности происходящего сейчас на Украине, попытки осмысления этого чрезвычайно важны и для нас — великороссов, и для украинцев.

Прежде, чем перейти к рассмотрению исторического материала и проблем, связанных с ним, хотелось бы сделать некоторые уточнения, касающиеся названия государства Украина, и, соответственно, этнической характеристики понятия «украинец». В годы украинской независимости вокруг упомянутых терминов была выстроена целая система «симулякров», не имеющих ничего общего с реальностью. Когда читаешь многие работы «украинских историков», зачастую просто поражаешься, как можно, находясь в здравом уме и твердой памяти, транслировать подобный бред. Сегодня в украинском массовом сознании бытует немало фантастических представлений о «древнем» украинском народе¹, об «арийцах-праукраинцах» и о рождении «Украины» с ее державным «Тризубом» на рубеже II–I тыс. до н.э. Своего рода «шедевром» стали рассказы «историков» о «Великой Украине» (т.е. Скифии), якобы описанной Геродотом. По версии М. Галичанца, «Держава Велика Україна» победила греков и римлян².

По мере приближения к современности накал исторического бреда, производимого и транслируемого «украинской историографией», резко возрастает. «Работы» «украинских историков» В. Бебика, А. Паляя, Р. Новоженца или директора Украинского института Национальной памяти В. Вятровича в этом отношении особенно занимательны. Поэтому считаю необходимым кратко изложить наш — отечественный, российский — взгляд

¹ См.: Лях Р., Темірова Н. Історія України. З найдавніших часів до XV ст. Підруч. для 7-го кл. серед. шк. Київ: Генеза, 2000. С. 3–32.

² Галичанець М. Українська нація: Походження і життя української нації з найдавніших часів до XI століття. Тернопіль: Мандрівець, 2005. С. 58, 67, 70, 110–135; см. также: Історія України написана у V ст. до нашої ери Геродотом / Пер. С. Спасько. Київ: ФОП Стебеляк О.М., 2019. 144 с.

на данный вопрос. На самом деле термин «украинец» появился во второй половине XIX в. в Австрийской Галиции. Этим термином власти Австро-Венгрии обозначили этническую принадлежность населения, проживавшего в Восточной Галиции и ранее именовавшихся русинами. Когда современные «украинские историки» ссылаются на существование в русских летописных сводах — «Повести временных лет», «Лаврентьевской летописи», «Ипатьевской летописи» и др. термина *украйна*, или *оукрайна*, необходимо помнить, что данный термин означал во времена Киевской Руси не народ и, тем более, не страну, а всего лишь окраину — территорию, находящуюся «на краю», т.е. на границе с соседней страной или странами. Вот как пишет об этом известный украинский, а ныне — российский аналитик Андрей Ваджра: «В историческом прошлом вы не найдете и государства с названием «украина». В летописях упоминаются лишь *укрАйны* (с ударением на «а») Русской земли в смысле географического понятия со значением «пограничная земля». Для Киевского княжества ими были территории, граничащие с половцами, для Галицко-Волынского — с ляхами (которые упоминаются в летописях в 1187-м и 1213-м). Точно такие-же «укрАйны» были и у Московской Руси; те земли, которые лежали у границы Донской и Нижне-Волжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта постепенно, путем военного противостояния, отодвигалась на юг, соответственно менялись и «укрАйны»»¹. Таким образом, термин *украина* носил изначально сугубо географический характер и ни в коей мере не претендовал на «этничность».

В юго-западных губерниях Российской империи в XVIII–XIX вв. доминировал термин *малороссы*. Часть современного украинского социума, отравленная идеологией «свидомизма», очень не любит этот термин, считая его «унизительным», «оскорбительным» и т.п. Между тем, ничего оскорбительного в нем нет. Термин *Малороссия* был связан исключительно с относительно небольшими, в сравнении с Великороссией,

¹ Ваджра А. Украина, которой не было. Мифология украинской идеологии. М., 2015. С. 19.

размерами территории, на которой проживал ее народ, а не с психологическими или интеллектуальными особенностями самих малороссов. Никакой уничижительной характеристики он не содержал.

В Российской империи, согласно ее официальной идеологической доктрине, проживало три ветви русского народа: великороссы, малороссы и белорусы. Великороссы жили на территории современной Российской Федерации и ныне украинской Новороссии; малороссы — на территории нынешней Украины, или Малороссии, как ее называли со второй половины XVIII до начала XX в.; белорусы — на территории современной Белоруссии. Права и обязанности этих народов ничем друг от друга не отличались. Малороссов и белорусов царская власть не унижала и не гнобила, а господствующий класс Российской империи угнетал их в той же мере, что и великоросов. Надо ли напоминать, что этот господствующий класс с одинаковым успехом пополняли представители дворянства и бюрократии как великорусского, так и малороссийского и белорусского происхождения? Тому есть немало доказательств. Это — и фаворит императрицы Елизаветы Петровны граф Алексей Григорьевич Разумовский, граф и генерал-фельдмаршал; и его младший брат — Кирилл Григорьевич Разумовский, последний гетман Войска Запорожского и президент Петербургской академии наук; и Александр Андреевич Безбородко, граф, позднее — светлейший князь и канцлер. Самым влиятельным военачальником эпохи царствования Николая I, любимцем императора был генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич — светлейший князь Варшавский, усмиритель Польского восстания и наместник в Царстве Польском, этнический малоросс и уроженец Полтавы... Таких в Российской империи были десятки, если не сотни. Одним из самых замечательных явлений нашей отечественной культуры был и остается великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь, прославивший родную Малороссию в своих книгах.

ГЛАВА

ПЕРВАЯ РУССКАЯ «СМУТА» (1605–1618 гг.)

«А если кто с мечом к нам войдет,
от меча и погибнет.
На том стоит и стоять будет
Русская земля».

Цит. из к/ф «Александр Невский».
СССР, 1938

Первая русская «смута» была связана с прекращением династии Рюриковичей, правившей нашими землями с IX в., более 7 столетий. В 1598 г. умер царь Федор Иванович, последний из сыновей Ивана Грозного. Федора Ивановича не случайно называли «Тишайшим». Трудно сказать, был ли он «слабоумным» человеком, как писали о нем многие историки, или нет, но никакими выдающимися свершениями за свое четырнадцатилетнее царствование он не отметился. «По словам очевидцев, последний государь из династии Калиты отличался болезненностью, слабым телосложением, походка у него была нетвердая, на лице, поражавшим своей бледностью, постоянно бродила улыбка»¹. Царь «прост и слабоумен...», — отметил английский посол

¹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 20.

Флетчер, — малоспособен к делам политическим и до крайности суеверен»¹. «По отзыву папского нунция Поссевино, умственное ничтожество Федора граничило с идиотизмом, почти с безумием. Наследник Грозного был не способен управлять государством. Его никогда не готовили к этой роли. Даже исполнение внешних ритуалов и придворных церемоний казались ему непосильными»². В отличие от своего умного, грозного и активного отца, Федор Иванович в основном паломничал по монастырям, препоручив текущее управление страной Борису Годуну, умному, честолюбивому и энергичному брату своей жены Ирины. Именно Борису перешла власть над Русским царством после смерти Федора Ивановича. Царь Борис был весьма толковым и активным правителем. Но ему действительно не повезло. Его царствование в России совпало с т.н. «малым ледниковым периодом», продолжавшимся около 80 лет. Пик его пришелся как раз на завершение XVI — начало XVII в., годы царствования Бориса Годунова. В результате, в начале XVII в. русские летописи отмечают страшные неурожаи из-за холодной погоды. В августе 1601 г. «Хлеб стоял подо льдом», — пишут они. «Длительные дожди, — отмечает Р.Г. Скрынников, — помешали созреванию хлебов во время холодного лета 1601 года. Ранние морозы довершили беду. Крестьяне использовали незрелые, «зяблые», семена, чтобы засеять озимь. В итоге на озимых полях хлеб либо вовсе не пророс, либо дал плохие всходы. Посевы, на которые земледельцы возлагали все свои надежды, были погублены морозами в 1602 году. В 1603 году деревне нечем было засеивать поля. Наступил страшный голод»³. Люди умирали сотнями тысяч. Современники полагали, что во время этого страшного голода «вымерла треть царства Московского»⁴.

¹ Исторический архив. Т. IV. М.–Л., 1949. С. 30–37; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 194.

² Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 20.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же.

Борис Годунов делал многое для спасения людей. В Москве были открыты провиантские склады для того, чтобы накормить голодающих. Ситуацию это, однако, не разрядило. В глубоко религиозном народе все настойчивее звучала мысль о том, что происходящее с Россией есть наказание Божье за незаконное занятие трона Борисом Годуновым. Авторитет царя падал все ниже, влияние его сокращалось.

А между тем на западных границах России появился самозванец, называвший себя младшим сыном царя Ивана Грозного, царевичем Дмитрием. Настоящий царевич Дмитрий погиб еще 15 мая 1591 г. в Угличе. Официальная версия гласила, что он случайно зарезался, играя в ножички. Дмитрий с детства страдал «падучей болезнью», эпилепсией. В результате припадка он всадил нож в собственное тело, да так «удачно», что вскоре распрощался с жизнью. В народе, однако, поползли слухи, что сделать это ему помогли сторонники Бориса Годунова. Какая из версий смерти Дмитрия, — убийство или случайное самоубийство верна, до сих пор до конца не вполне понятно¹. Есть историки, поддерживающие и то, и другое предположение. В народе же в то время все большее влияние приобретала мысль о вине Бориса Годунова за смерть Дмитрия и о незаконности занятия им трона Рюриковичей. В результате, уже в 1602 г. при дворе польского магната Адама Вишневецкого появляется человек, якобы прибывший из России, который объявляет себя «чудом спасшимся царевичем Дмитрием». Большинство отечественных историков считает, что этим человеком был беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев. Получив поддержку поляков, Отрепьев в следующем году перешел границы

¹ Например, Р.Г. Скрынников, авторитетнейший из современных историков «Смуты», придерживается версии о случайном самоубийстве Дмитрия во время игры в «свайку». См.: Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 67–84. Свайка — русская народная игра, заключающаяся в попадании свайкой — заостренным железным стержнем с массивной головкой — в кольцо или несколько колец, лежащих на земле. Игра была широко распространена как среди взрослых мужчин, так и среди детей.

России. Его сопровождало польское войско и немало русских людей, действительно веривших, что их ведет реально спасшийся царевич Дмитрий.

21 января 1605 г. русское войско во главе с воеводами Мстиславским и Шуйским разгромило войско Лжедмитрия под Добрыничами. Отряды Отрепьева атаковали правый фланг царского войска. Но там путь им преградили стрельцы. Не выдержав огня пушек и стрелецких пищалей, польская конница самозванца была остановлена и стала отступать. Фактически бежать... Царское войско двинулось вперед. Казаки, служившие самозванцу и имевшие при себе пушки, пытались организовать хоть какое-то сопротивление, но были разгромлены. Отрепьев пытался остановить бегство, но на него никто не обращал внимания. В конечном счете, самозванцу не без труда удалось скрыться. Лжедмитрий бежал в город Путивль. После сражения русские воеводы велели похоронить убитых. Во рвах было закопано одиннадцать с половиной тысяч трупов. В руки Мстиславского попали 15 знамен самозванца и вся его артиллерия¹. Это был полный разгром. Казалось, что самозванца вскоре ждет окончательный крах. Но, как это часто бывает, вмешался случай. 13 апреля 1605 г. умирает Борис Годунов.

Царь Борис передал власть своему сыну Федору, который был весьма неглупым и образованным молодым человеком. Однако ум, хорошее образование и воспитание не помогли ему удержать власть в своих руках. После смерти Годунова самозванец начал триумфальное шествие по России. 7 мая 1605 г. под Кромами воевода Петр Басманов, сын и внук видных опричников Ивана Грозного, поднял в русском войске мятеж в пользу Лжедмитрия. Армия была деморализована. Часть дворян и стрельцов пошла за Басмановым, часть покинула месторасположение войска и дезертировала. Войско Лжедмитрия

¹ Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. М., 2007. С. 38–39.

начало быстро продвигаться к Москве¹. Федор Годунов не продержался на троне и двух месяцев. 20 июня 1605 г. Лжедмитрий и его войско вошли в Москву. Молодой Годунов и его мать Мария Бельская-Годунова были убиты. Лжедмитрий стал русским царем.

Триумф самозванца, однако, был недолог. Слишком мал был его жизненный опыт и слишком велики силы, желавшие его отстранения от власти. Самозванец пустил «в распыл» всю московскую казну. В последние месяцы правления Бориса Годунова в казне оставалось около 200 тыс. руб. На начало XVII в., в России, это были громадные деньги. Еще около 200 тыс. было собрано в качестве налогов в течение года правления Лжедмитрия². Тем не менее, самозванцу постоянно не хватало средств. Царь был вынужден распродавать вещи из огромных золотых хранилищ Кремля, чтобы покрыть хоть часть своих долгов. Канцелярия, состоявшая из грамотных поляков, которая в 1605 г. представляла собой бюрократическую опору Лжедмитрия, была постепенно оттеснена от управления страной русскими боярами и приказными чиновниками. Вельможи, входившие в состав Боярской Думы, очень быстро утратили страх перед новым самодержцем, соответственно, упал и его авторитет. «Отрепьев привык лгать на каждом шагу, — отмечает Р.Г. Скрынников. — Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, что приводило к неприятным эксцессам в Думе. По этому поводу поляк Станислав Немоевский писал следующее. Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал». Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишеков, царь («стыдясь наших» — добавляет от себя автор Дневника) запретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: «Ну, как же говорить тебе, государь,

¹ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. М., 1988.

² Скрынников Р.Г. Василий Шуйский. М., 2002. С. 136–137.

царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?». Поставленный в тупик, самозванец обещал Думе, что больше «лгать не будет». «Но мне кажется, — завершает свой отчет С. Немоевский, — что слова своего перед ними не додержал...»¹.

Между тем, политический и гражданский конфликт в России все более разрастался. Среди терских казаков появляется в это время еще один самозванец, мнимый Петр Федорович, якобы, сын царя Федора Ивановича, а на самом деле холоп и «гулящий человек» Илейка Коровин («Муромец»). На самом деле детей у последнего царя династии Рюриковичей не было. Видимо сказывалось его слабое здоровье. Тем не менее, мнимый Петр Федорович был объявлен спасшимся от Бориса Годунова сыном Федора Ивановича, по постановлению «круга» вольных терских казаков весной 1606 г. В это время они решали вопрос; «...идти ли им по приказу «Дмитрия Ивановича» (Лжедмитрия I. — *И.В.*), на Куру против турок или поискать царского жалования на Москве. Терцы были так обижены на «лихих бояр», которые не прислали им обычного жалования для похода, что хотели даже уйти на службу к персидскому шаху, но предпочли выбрать у себя самозванца, чтобы под предлогом его сопровождения к царю беспрепятственно миновать поволжские крепости и добиться своего на Москве»². Лишь по настойчивой мольбе терского воеводы они оставили для обороны от горцев половину войска, а остальные (400 чел.) двинулись в поход на Русь. «По позднейшим показаниям Илейки, казаки спокойно миновали Астрахань и прочие «низовые города», а в Самаре встретили дворянина Т. Юрлова с грамотой от Дмитрия, где содержался приказ их войску «идти наспех» с «племянником» к Москве. По пути к Казани они мирно разминулись с войском Ф.И. Шереметева, но буквально через несколько дней, около 25 июня 1606 г., обе рати настигло известие, сделавшее

¹ Там же. С. 141.

² Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 130.

их непримиримыми врагами: весть о гибели Лжедмитрия от рук заговорщиков и о воцарении Василия Шуйского»¹.

Впрочем, не будем произвольно опережать течение исторических событий. Вернемся к рассмотрению царствования «Дмитрия Ивановича». После прихода к власти у Лжедмитрия I, во внутренней политике Российского государства существовало две альтернативы:

1. Восстановить практику «опричнины» царя Ивана Грозного.

2. Править милостиво, щадить людей, даже своих политических противников.

Сначала самозванец, видимо, склонялся к первому варианту. В его окружении появились представители виднейших «опричных» фамилий: Бельский, Басманов, Нагие, Татищевы, Пушкины и др. Особым влиянием пользовался Богдан Бельский, последний, оставшийся в живых душеприказчик царя Ивана Грозного. Однако, постепенно Лжедмитрий отошел от «опричных» идей. Бельский был послан вторым воеводой в Новгород Великий. Самозванец решил править «милостиво».

Судя по всему, в какой-то момент Лжедмитрий выпустил из своих рук рычаги управления страной. Он «расслабился» и тут же был свергнут. Накануне свержения Лжедмитрий I задумал провести важное для себя и Российского государства мероприятие. «Царь» решил сыграть свадьбу с польской девицей Мариной Мнишек. На этот шаг его в свое время обрек отец Марины, предоставивший ему обширную финансовую помощь в обмен на обещание, сделать дочь Московской царицей. Свои обещания полякам, по крайней мере некоторые, Лжедмитрий старался выполнять. В Москву съехалось большое количество гостей из Речи Посполитой. Ничто не предвещало беды для «царя» Дмитрия Ивановича. И вдруг, 17 мая 1606 г. в результате заговора, который возглавлял боярин Василий Шуйский, Лжедмитрий I был убит.

¹ Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 44.

Основную массу вооруженных сил, поддержавших В. Шуйского, «составили новгородские дворяне, которые и прежде оставались в стороне от событий, связанных с воцарением Дмитрия Иоанновича (Лжедмитрия I. — *И.В.*). В то же время толпы вооруженных московских жителей разгромили дворы, в которых поселились поляки, в массе съехавшиеся на свадьбу царя и Марины Мнишек. Через два дня на Красной площади в цари «выкрикнули» организатора этого заговора — боярина кн. Василия Ивановича Шуйского»¹. Труп Лжедмитрия I был сожжен, а пепел заряжен в пушку и выпален в сторону Польши, из которой пришел самозванец. Так завершился первый этап «смуты».

На престол царства Российского вступил Василий Шуйский. Шуйский стал последним представителем многочисленного и чрезвычайно разветвленного рода Рюриковичей, занимавший русский трон. Правда, он был представителем всего лишь одной из боковых ветвей этого рода, а не его центрального ствола, который пресекался со смертью царя Федора Ивановича еще в 1598 г. Тем не менее, его предки всегда находились в верхах русской боярской знати. Род его происходил от старшего брата Александра Невского, Андрея Ярославовича. И вот теперь В. Шуйский стал русским царем.

Впрочем, взошел он на престол в крайне неудачное для этого время. «Смута» на Руси продолжала усиливаться. Дворяне и дети боярские Рязани, Путивля, Чернигова и других южных уездов, уехали из Москвы и отказались целовать крест «этому Шубнику», как они называли В. Шуйского. Таким образом, наметились явные противоречия между югом и севером Московского государства. Новые надежды «южан» всколыхнула весть о втором чудесном спасении Дмитрия — на этот раз от рук убийц — Шуйских. «Роль нового самозванца на некоторое время принял на себя фаворит первого Лжедмитрия Михаил Молчанов, сбежавший из-под стражи сначала в Путивль, а затем в Литву. Уже на пути он начал распространять слухи о спасении

¹ Там же. С. 46.

царя и призывы к восстанию против узурпатора престола, в чем ему способствовала украденная печать Дмитрия. Всем этим воспользовался дворянин Григорий Петрович Шаховской, прежде пожалованный Отрепьевым в чин «боярина и слуги», а ныне опрометчиво сосланный царем Василием на воеводство в Путивль. Здесь он объявил горожанам о спасении их истинного государя, а вскоре Молчанов прислал из Самбора «большого воеводу» царя Дмитрия — бывшего казачьего атамана Ивана Исаевича Болотникова»¹. Сам Молчанов, впрочем, предпочитал не появляться на территории Московского царства. Так как в России слишком многие непосредственно знали его и могли быстро подтвердить личность нового самозванца, что, естественно, полностью противоречило распространяемым слухам «о спасении Дмитрия».

Характеристика И.И. Болотникова, как «казачьего атамана», судя по всему, не совсем верна. Этот вожак народных масс действительно был профессиональным военным, но казаком он, скорее всего не был. В прошлом Иван Исаевич был «боевым холопом» князя Андрея Телятевского. Источники начала XVII в. свидетельствуют именно об этом. Затем он попал в плен и был продан туркам, у которых довольно долго был гребцом на галере в Средиземном море. Галера, на которой находился Болотников, была захвачена венецианским боевым кораблем. Иван Исаевич как христианин был освобожден и оказался в Италии, где и услышал об удивительных событиях, происходящих на его Родине. Летом 1606 г. он оказался на юге России и здесь начал формирование собственной армии, назвавшись «большим воеводой» царевича Дмитрия. «В начале боевых действий, — отмечает О.А. Курбатов, — отобилизованные еще весной войска царя Василия имели успех: они осадили Елец и Кромь и легко отбили первые попытки восставших оказать этим городам помощь извне»².

¹ Там же. С. 46–47.

² Там же. С. 48.

Однако при своем вступлении на престол Шуйский, вопреки обычаю, не вознаградил ратных людей, сославшись на разграбление казны «Расстригой» (т.е. Лжедмитрием I. — *И.В.*). Это не только не прибавило популярности новому царю, но и лишило ратных людей денежных средств. Виды на урожай были плохие, и скоро начались затруднения с продовольствием. Осада же крепостей не могла иметь успеха, поскольку именно в Ельце и оказалась доставленная туда еще зимой тяжелая артиллерия и помещичьи запасы. Когда же при вести о спасении Дмитрия «появилась шатость» в украинских людях и города один за другим стали вновь восставать против Шуйского, ратные люди начали покидать полки. Нужен был только повод к бегству — им стало незначительное поражение полка кн. Ю.Н. Трубецкого под Кромами. Сначала смутились и разъехались по домам «ратные люди дальних городов этого отряда», а затем, «слышаху же под Ельцом бояре, что под Кромами смутилось, отоидоша от Ельца прочь и поидоше все к Москве»¹. «Отложение Тулы, помещики которой тоже поцеловали крест Дмитрию, открыло путь к столице и обеспечило их первоклассной крепостью»². Вслед за Тулой, власть И. Болотникова, назвавшегося «Большим воеводой» царевича Дмитрия, признала и Калуга. Вскоре после сдачи Калуги на сторону Болотникова перешли отряды служилых людей Прокопия Ляпунова и стрельцов, Истома Пашкова. Отряды этих командиров вскоре захватили Коломну с помощью измены стрельцов и местного воеводы. И.И. Болотникова поддержало большое число казаков и крестьян южных уездов России. Боевые действия против войск Василия Шуйского, Болотников вел с переменным успехом. То царские полки били его, то бил их он. Как и в случае с Лжедмитрием I, Болотникова первоначально поддерживали северские города: Путивль, Кромы, Елец и др. Именно они составили первоначальную человеческую

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 14. Ч. I. СПб., 1910. С. 71.

² Курбатов О.А. Указ. соч. С. 49.

и финансовую базу движения. Затем на сторону восставших перешли Орел, Рязань, Тула и Калуга. Интересно отметить, что в состав войска И.И. Болотникова входили не только крестьяне и казаки, но и значительная часть «служилых людей» юга России¹. В конце концов, войско Болотникова дошло до Москвы и остановилось в 7 километрах от города, в селе Коломенском. В этот период времени рать болотниковцев достигала численности в 20 тыс. чел. Нахождение рядом с Москвой крупных военных сил повстанцев Болотникова, не помешало правительству В. Шуйского, одержать важную победу на идеологическом фронте. Новому царю удалось доказать, по крайней мере москвичам, «подложность» всех Лжедмитриев, претендовавших на царский престол.

В Москву из-под Углича были привезены останки царевича Дмитрия, и представлены на рассмотрение народным массам, близ Кремля. Большую роль сыграл также патриарх русской православной церкви Гермоген. «Церковь призвала русских людей к покаянию, с 14 по 19 октября (1606 г. — И.В.) в столице продолжался пост, и не прекращалось богослужение»². Следствием всех этих действий стало то, что Москва «села в осаду». Между тем болотниковцы продолжали стоять в Коломенском. Они довольно долго пытались вести переговоры с Москвой. Москвичи требовали, чтобы им показали настоящего царевича Дмитрия и после этого готовы были открыть болотниковцам ворота города. Естественно, сделать этого Болотников не мог. Между тем Василий Шуйский достаточно активно концентрировал в Москве верные себе военные силы. В лагере Болотникова усиливались противоречия. В результате на сторону Шуйского сначала перешли отряды братьев Ляпуновых, а потом и стрельцы Истома Пашкова. «Дождавшись подхода подкреплений со стороны Смоленска, войска царя

¹ Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. С. 80–82, 88–90.

² Курбатов О.А. Указ. соч. С. 52.

Василия перешли к решительным действиям и атаковали отряд казаков, укрывшийся в обозе у деревни Загорье. Через три дня здесь развернулось генеральное сражение, в разгар которого Пашков со своими отрядами перешел на сторону Шуйского. Болотников потерпел решающее поражение, следствием которого стало не только снятие осады Москвы, но и отпадение от «Дмитрия» большинства южных уездов. В руках повстанцев остались Тула и Калуга, куда отступили более 10 тыс. ратников с «вогненным боем»¹. В итоге, Болотников был вынужден отступить от Москвы к Калуге. Накопив в Калуге сил, он весной 1607 г. предпринял новый поход на Москву. «После поражения повстанцев Болотникова под Москвой характер войны стал резко меняться, приобретая черты жесточайшего противостояния дворянства и казачества. Дворянские «города» прекратили организованное сопротивление, и перешли в стан царя Василия. Его противник, в свою очередь, получил серьезное пополнение в виде сторонников «царевича Петра», прибывших в сентябре–ноябре 1606 г. в Путивль с берегов Волги. Войско мнимого сына царя Федора Иоанновича составляли терские, волжские и донские казаки, к которым присоединились несколько тысяч запорожцев² и литовских наемников. По прибытии их в Путивль начались массовые зверские казни знатных дворян, взятых в плен воеводами «Дмитрия». При самозванце образовался свой «двор», в который вошли боярин кн. А.А. Телятевский (в 1604 г. — второй воевода Большого полка кн. Мстиславского), князя Г.П. Шаховской, В.Ф. и И.Л. Мосальские и другие, которых отныне стали ставить во главе отрядов повстанцев. Немедленно по получении известий о поражении под Москвой

¹ Т.е. с огнестрельным оружием, пищальями и пушками (Курбатов О.А. Указ. соч. С. 54).

² Запорожское казачье войско принимало достаточно активное участие в событиях «Смутного времени». Казаки сражались, естественно, главным образом на стороне поляков. Впрочем, за них же, зачастую сражались тогда и русские донские казаки.

и осаде Калуги это свежее войско выдвинулось на помощь Болотникову, создав угрозу тылам армии Шуйского»¹.

Поэтому войско царя Василия было вынуждено поспешно отступить из-под Калуги. Однако спустя всего лишь месяц начался новый «государев поход» царя Василия. В ожесточенных боях на реках Восьме и Воронее отряды дворян разгромили полевые силы восставших, а затем осадили их в Туле. Болотников укрепился в Тульском кремле, который достаточно успешно оборонял в июне–октябре 1607 г. Войска В. Шуйского долго осаждали крепость, но, в конце концов, подтопили город водами реки Упы. Вода залила продовольственные склады города. 10 октября 1607 г. Тульская крепость сдалась. Болотников был схвачен и ослеплен, а в следующем 1608 г. утоплен в Каргополе. По приговору суда был казнен и Илейка Муромец.

С этой угрозой правительство Василия Шуйского справилось, «смута» же продолжала идти своим чередом. В августе 1607 г. в пределы России вступил новый самозванец, Лжедмитрий II. Кем он был, доподлинно не известно никому. Правительство В. Шуйского именovalo его «стародубским вором». Люди, входившие в окружение Лжедмитрия II, считали, что по происхождению своему он был «москвитом», но долго жил в Белоруссии.

Самозванец умел читать и писать по-русски и по-польски. Современников удивляла его осведомленность в делах Лжедмитрия I. Иезуиты объясняли ее тем, что он служил писцом при первом самозванце, а после его гибели бежал в Литву. По словам иезуитов, писца звали Богданом, и в его жилах текла еврейская кровь. Русские власти со временем официально подтвердили версию об иудейском происхождении Лжедмитрия II. Интересные подробности сообщали о «воре» его помощники. Князь Д. Мосальский под пыткой показал: «Который-де вор назывался царем Дмитрием, и тот-де вор с Москвы с Арбату от Знамения

¹ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — начале XVII в.: Опыт государственного строительства. М., 2008. С. 151–152.

Пречистыя из-за конюшен попов сын Митка, а отпускал-де его с Москвы князь В. Мосальский за пять ден до расстригина убийства»¹.

Мосальские принадлежали к ближайшему окружению нового самозванца. Но им не довелось наблюдать начало его карьеры. Познакомившись с ним в Тушине, они заподозрили, что новый самозванец происходил из духовного чина. Московские летописцы придерживались того же мнения. Они называли «вора» поповским сыном на том основании, что он «круг церковный весь знал». Самое удачное следствие о Лжедмитрии II произвел неизвестный белорусский священник, живший в окрестностях Могилева, и наблюдавший его первые шаги. В общих чертах его рассказ сводится к следующему: «Дмитрий» сначала учил грамоте детей в доме у попа в Шклове, затем перешел под Могилев в село к попу Федору. И летом и зимой учитель носил одну и ту же баранью шапку и плохонький потрепанный кожанок. Чтобы заработать на жизнь, он ходил к Никольскому попу в Могилев и за мизерную плату колол ему дрова и носил воду. Шкловский грамотей не отличался благонравием. Однажды поп Федор застукал его с попадьей. Священник рассвирепел, высек учителя розгами и выгнал его из своего дома. Грамотей дошел до крайней нужды. Ему пришлось ночевать под забором на могилевских улицах. Там его и заприметили несколько предприимчивых шляхтичей, прежде служивших Лжедмитрию I. Пан Зеретинский высказал мысль, что мелкорослый бродяга может сойти за убитого московского царя. Пан Меховецкий подхватил эту мысль и перевел дело в практическую плоскость.

В душе учителя боролись трусость и угодливость. Судьба первого самозванца ужасала его, и он бежал из Могилева. Но его вскоре нашли и посадили под стражу. Могилевские покровители освободили его из тюрьмы, и на этот раз бродяга оказался сговорчивым. Новоиспеченного «царя» проводили до Поповой горы, откуда было совсем близко до московской границы.

¹ Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. С. 96.

Перед тем, как пустить самозванца гулять по свету, покровители постарались связать его обязательствами. «От своего царского пресветлого имени» «Дмитрий» дал обширные обещания пану Зеретинскому и его товарищам¹.

Очередную самозванческую интригу охотно поддержала мелкая польская и литовская шляхта. Королю Речи Посполитой Сигизмунду III удалось подавить очередной рокош (так называли восстание польской шляхты против своего короля. — *И.В.*), и он распустил своих наемников. Многие из них, не получив денег, кормились в королевских имениях. В Восточной Белоруссии орды солдат объедали местное население не хуже саранчи. Шляхта усиленно искала, кому бы «продать оружие». Пан Меховецкий охотно принимал их на службу в «царское войско». С того момента, как Лжедмитрия II признали многие русские города, и его дело стало на твердую почву, интерес к очередной самозванческой интриге стала проявлять польско-литовская знать, особенно магнаты и шляхта, некогда поддерживавшие Отрепьева.

Так, польский князь Роман Ружинский на занятые в долг деньги нанял большой отряд гусар. Лжедмитрий II и его покровитель Меховецкий сильно встревожились, когда услышали о появлении Ружинского в окрестностях Орла. Самозванец не хотел принимать его к себе на службу. Но Ружинского это абсолютно не интересовало. «В апреле 1608 года он прибыл в лагерь Лжедмитрия и совершил там своего рода переворот. Войсковое собрание («коло») сместило Меховецкого и объявило его вне закона. Новым гетманом солдаты выкрикнули Ружинского»². Собрание вызвало к себе самозванца и категорически потребовало выдачи противников нового гетмана. Когда Лжедмитрий II попытался перечить, поднялся страшный шум. Раздались крики: «схватить его, негодяя» и требования предать смерти. Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор

¹ Там же. С. 97.

² Там же. С. 98.

Лжедмитрия II. Он попытался заглушить страх водкой. Лжедмитрий пьянствовал всю ночь напролет. Тем временем его конюший Адам Вишневецкий хлопотал о примирении с Ружинским. Самозванцу в полной мере пришлось испытать чашу унижения. Едва царек протрезвел, его повели в польское «коло» и там заставили принести извинения наемникам. Смена «хозяев» в орловском лагере имела существенные последствия. Болотниковцы, пользовавшиеся ранее большим влиянием в лагере самозванца, стали стремительно утрачивать свои позиции. Следом за польскими магнатами и шляхтой в окружении Лжедмитрия II появились русские бояре.

Вскоре армия самозванца возобновила наступление на Москву. Навстречу ей В. Шуйский послал своего брата Дмитрия с 30-тыс. войском. 1 августа 1608 г. оно терпит поражение под Болховом. «В первый день битвы, — отмечает О.А. Курбатов, — когда авангард Лжедмитрия атаковал на марше Передовой полк кн. Голицына, лишь стойкость кн. И.С. Куракина со Сторожевым полком помогла избежать поражения. На следующий день обоз гетмана Ружинского (на повозках были установлены хоругви, а пыль не позволяла увидеть, что это только обоз), направленный во фланг Шуйскому, уверил того в превосходстве противника и заставил начать отвод артиллерии и обоза еще до начала сражения. Царские полки дрогнули и, преследуемые польской конницей, бежали, оставив обоз и «наряд» в руках неприятеля. Путь на Москву был открыт»¹.

Отряды самозванца подходят к Москве и останавливаются в Тушино. Лжедмитрий II и его окружение начинают создавать там подобие своей собственной государственной иерархии. В конце июля 1608 г. в Тушинский лагерь прибывает Марина Мнишек, которая вскоре становится весомой политической фигурой в лагере самозванца. Одновременно начинает выстраиваться некое подобие столицы, в которой базировался сам Лжедмитрий II и вооруженные силы, на которые он опирался.

¹ Курбатов О.А. Указ. соч. С. 61.

«Позиция между реками Сходней и Москвой обеспечивала войскам Тушинского вора (как прозвали Лжедмитрия II в Москве) контроль над Тверской и Смоленской дорогами. Со временем знаменитый Тушинский лагерь приобрел довольно солидный вид»¹.

Современник описываемых событий, польский шляхтич Н. Мархоцкий отмечал: «Начали мы рыть землю и устроили себе земляные дома, в земле же вырыли печи (такие жилища были не во всем удобны, ибо в них угорали). Стойла для лошадей сплели из хвороста и покрыли соломой... Имея множество подданных, стали мы строиться основательно, рассчитывая на суровую зиму; в окрестных селениях брали дома и ставили их в обозе. Некоторые имели по две-три избы, а прежние, земляные, превратили в погреба. Посреди обоза построили царю с царицей и воеводой достойное жилище, и стал наш обоз походить на застроенный город»². «С подходом к Лжедмитрию крупного войска гетмана Яна Петра Сапеги (7 тыс. чел.) «воровские» отряды направились во все концы страны, особенно в ее богатые и еще не разоренные области. Некоторые города сами «целовали крест» Дмитрию, иные же вынужденно подчинялись его военной силе. Части Сапеги заняли Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологду, Тотьму, затем Кострому и Галич. Один из военачальников Лжедмитрия II, Лисовский подчинил междуречье Клязьмы и Волги от Владимира и Суздаля до Балахны и Кинешмы. От царя Василия отложились Псков, часть Новгородской земли, а в Поволжье — «многие понизовые люди, мордва и черемиса»»³. Довольно быстро в Тушинском лагере образовались свои органы власти. «При самозванце собрался «двор», наиболее заметными фигурами в котором стали князья Д.Т. Трубецкой, Д.М. Черкасский, П.Г. Шаховской, а также М.Г. Салтыков и М.М. Бутурлин. Плененный при взятии Ростова

¹ Там же. С. 63.

² Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 47.

³ Курбатов О.А. Указ. соч. С. 65.

митрополит Филарет (бывший боярин Федор Никитич Романов) стал «нареченным патриархом». В Тушине действовали основные приказы, «царь» щедро раздавал своим сторонникам поместья, отнятые «за измену» у дворян из лагеря Шуйского; в присягнувшие города назначались воеводы. Однако все это, в значительной степени, являлось лишь ширмой для действий реальных хозяев положения — польских и казацких вождей, таких как Заруцкий, Сапега, Ружинский. В центральном лагере диктаторскими полномочиями обладали «децемвиры» — члены комиссии из 10 шляхтичей; на местах при русских воеводах состояли боевые командиры «тушинских» отрядов, которые устанавливали размеры поборов в пользу своих подчиненных, взымали их и подавляли выступления недовольных¹. «Смута» в это время выходит на пик своего развития, охватывая практически всю европейскую территорию России. «Гражданская война, — отмечает О.А. Курбатов, — запыхала по всей стране, принимая разнообразные, порой совершенно причудливые формы: где горожане боролись с «сильными людьми» своего посада, где инородцы осаждали в крепостях царских воевод, где дворянские «города» совершенно искренне сражались друг с другом, каждый за своего царя»².

Осенью 1608 г. начинается героическая оборона Троице-Сергиева монастыря, продолжавшаяся почти полтора года. «Гетман Я.П. Сапега и полковник А. Лисовский имели в своих объединенных отрядах 12–13 тыс. чел. и 63 орудия, но с продолжением боевых действий это число уменьшалось до нескольких тысяч или, наоборот, увеличивалось. «Литвой» и «русскими ворами» двигало скорее стремление к захвату богатейшей монастырской казны, чем чисто военные цели — особенно после признания «Дмитрия Ивановича» замосковными и многими северными городами»³. Поляки и отряды самозванца неоднократно предпринимали штурмы монастыря. Однако эти штурмы

¹ Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 282–316, 366–372.

² Курбатов О.А. Указ. соч. С. 66.

³ Там же. С. 68.

неизменно отражались гарнизоном. Попытка, взорвать стену также не увенчалась успехом. Хотя большинство защитников лавры погибло, полякам так и не удалось захватить ее. Зимой 1610 г., при приближении войск М.В. Скопина-Шуйского они поспешно бежали, сняв осаду.

Между тем, Василий Шуйский, оказывается в это время, фактически заблокированным в Москве. Царь обращается за помощью к шведам. 28 февраля 1609 г. был заключен Выборгский трактат, предусматривавший передачу Швеции крепости Корела с уездом. В обмен на это в Россию вступила шведская армия под командованием Якова Делагарди. К ним присоединились и значительные русские силы. Объединенную армию возглавил молодой и талантливый русский полководец М.В. Скопин-Шуйский, племянник царя Василия Шуйского. С ним было до 3 тыс. русских воинов и 15 тыс. шведов. В мае 1609 г. русско-шведское войско выступило из Новгорода в направлении Москвы. Вскоре поляки оставили Старую Руссу, которая 10 мая была занята русско-шведским войском. Поляки попытались нанести контрудар. Но были отбиты с большими потерями. В начале мая, русским отрядом под командованием Никиты Вышеславцева, при поддержке местного населения был освобожден Ярославль. 15 мая 1609 г. состоялось сражение у города Торопец. Русско-шведское войско застало врасплох поляков и казаков под командованием польского воеводы Кернозицкого (около 6 тыс. воинов). При первом же ударе тяжелой пехоты под командованием шведского генерала Эверта Горна, польско-казачья конница Кернозицкого обратилась в бегство. При этом русская конница под командованием Федора Чулкова завершила разгром противника. Кернозицкий с остатками своего отряда пытался закрепиться за стенами Троицкого Небина монастыря, находившегося рядом, но был атакован и выбит из него русско-шведским войском. Тушинцы, бросив артиллерию, бежали из Торопца, который сразу же «отложился» от «Тушинского вора». После этого, Лжедмитрию II сразу же перестали подчиняться Торжок, Старица, Осташков, Ржев, Зубцов, Холм, Невель и другие северо-западные русские города.